

Биогеографическая мозаика Набокова

В.Я.Фет

Университет Маршалла
(Западная Виргиния, США)

«Географический образ мира...»

О второй профессии В.В.Набокова написано много [1–4]. Специалисты соглашаются, что знаменитый писатель был также зоологом, сделавшим немало открытий в энтомологии, а именно в систематике бабочек. Нередко цитируются его многие страстные строки, вдохновленные наукой о бабочках — лепидоптерологией.

Набоков часто и охотно признавался, что помнит определенные географические пункты по местам, где была поймана конкретная бабочка («Другие берега»). Такая эмоционально-мнемоническая память превосходно известна всем зоологам. Эта память сродни обычной способности связывать место с особенно важным событием — но полевой и музейный зоолог помнят десятки и сотни таких мест, а тренированная память немедленно подкальвает к каждому пункту название собранного там вида. Именно эта особая мнемоника описана Набоковым в рассказе «Пилгрим», где герой, никогда не бывавший за пределами Германии, знал мир «совершенно по-своему, в особом разрезе, удивительно отчетливым и другим недоступным». «Географический образ мира,

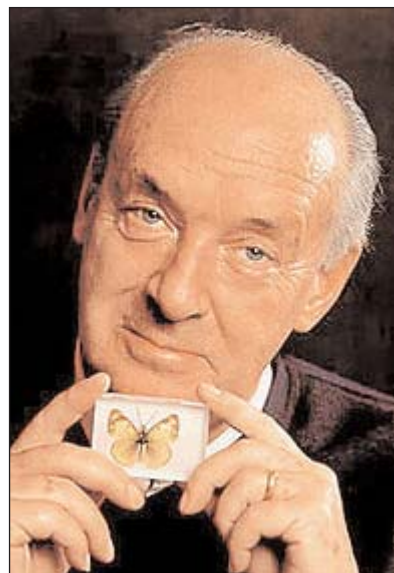
Виктор Яковлевич Фет — зоолог, поэт, эссеист, переводчик, кандидат биологических наук (Зоологический институт АН СССР, 1984), до 1987 г. работал в заповедниках Средней Азии, с 1988 г. — в университетах США (преполагает биологию, генетику, эволюционное учение). Автор многих работ по систематике и эволюции скорпионов.

© Фет В.Я., 2011

подробнейший путеводитель... он бессознательно составил себе из всего того, что нашел в энтомологических трудах. <...> Всякая чужая страна представлялась ему исключительно как родина той или иной бабочки — и томление, которое он при этом испытывал, можно только сравнить с тоской по родине».

Читатель-путешественник, вступающий в мир Набокова, обнаруживает в нем карты, маршруты, ландшафтные модели, снабженные подробностями и юмором, относящиеся к существующим, гибридным или полностью вымышленным местам. Любое местонахождение, запечатленное на коллекционной этикетке, с его известной широтой, долготой, высотой и датой, становится пунктом в динамическом, нанесенном на четырехмерную карту *географическом ареале* биологического вида. Этот ареал эквивалентен пространственно-временной карте литературного персонажа. С энтузиазмом прослеживает Набоков путь своих героев по городкам (Фиальта в «Весне в Фиальте», Нью-Уай в «Бледном огне»), столицам (Берлин), небольшим странам (Зембла в «Бледном огне»), огромным частям континентов (Северная Америка или Центральная Азия), и даже по целым планетам (Антитерра, она же Демония, в «Аде»). Даже в далекой постсовременной России («Приглашение на казнь») ясно виден лежащий перед нами ландшафт, когда мы смотрим вместе с Цинциннатом с тюремной башни на Тамарины Сады.

Географические этикетки-местонахождения с их мнемониче-

В.Набоков — знаменитый писатель, сделавший немало открытий в систематике бабочек.

скими, запоминаемыми, характеристиками постоянно служат Набокову — и как простой сценический инвентарь, и как сложные метафоры. «Лолита», помимо всего прочего, считается лучшей произведением о путешествии по Северной Америке. Описанные в ней передвижения — это реальные многолетние маршруты самого Набокова в поисках бабочек. По словам Д.Циммера (переводчика и исследователя творчества Набокова), «в тех романах и рассказах, которые он [Набоков] сам называл “реалистическо-психологическими”, т.е. во всех, кроме “Приглашения на казнь” и “Под знаком незаконно-рожденных” и трех-четырёх последних романов, почти все места, кажущиеся воображаемыми, имеют какое-то соответствие на карте» [5].

Б.Бойд, живущий в Новой Зеландии автор крупнейшей биографии Набокова и многих важнейших трудов о его романах, особо отмечает мотив топонимов, «названий мест» в своих комментариях к роману «Ада» [6]. Такие, по сути, музейные этикетки с обозначением места часто образуют сложные сети повторных мотивов. Например (и это лишь очень небольшой, частный пример), мотив трех озер (Омега, Озеро, Зеро) в «Бледном огне» отражает не только так называемые Фингер-Лейкс (Пальчиковые озера) неподалеку от Итаки, что в штате Нью-Йорк (где Набоков преподавал в Корнелльском университете), но также и озера Оникс, Эрикс и Климакс из «Лолиты». Более того, обе триады озер повторяют хорошо известную нам северо-западную триаду — Чудское, Ладога и Онега!

Русское озеро Онега упомянуто в повести Набокова «Пнин». А его географический партнер, Ладога, на планете Антитерра становится городом в штате Майн, а потом мутирует в округ и реку Ладора («Ада»).

Очень часто набоковская география выглядит чрезмерной или лукавой: его «Путеводитель по Берлину», конечно же, не путеводитель; псевдонимы американских штатов (такие, как Ютана или Аппалачия) звучат пародийно. Мне кажется, однако, что перемешанная, гибридная, география Антитерры в «Аде» не столько пародирует земную, сколько наслаждается нашими неустанными попытками называть безымянное («Дар»).

Мне кажется, что именно *биогеография* — специфика природных объектов в географическом их контексте — придает остроту и глубину многим знаменитым образам Набокова. Один из них — мальчик, без усилия переходящий из русского ельника в американский. Не все оценят эту картину без понимания того, что в России хвойные леса — зональные (широтные), но в Америке речь идет о высот-

«Охотник на бабочек. Его имя Владимир Набоков. Перламутровка, распахнув крылышки, садится на высокий цветок. Взмахом сачка Набоков ловит ее» (кино-сценарий «Лолита», 1960).

Фото Х.Таппела

ных, горных, поясах растительности (в Скалистых горах на западе континента). А значит, передвижение мальчика, т.е. самого Набокова, — это не только эмигрантское передвижение с востока на запад, из России в Америку; это также движение вверх: от русских низменностей к американским высокогорьям.

Таким образом, география Набокова — скорее естественная наука, чем наука о Земле, это *биогеография*, которая изучает и приветствует распределение живых существ на Земле. А наши знания об этом распределении буквально состоят из мириадом музейных этикеток.

Зоологическая этикетка как форма литературы

В творчестве Набокова, как мне представляется, пока не оценена по достоинству роль совершенно особого литературного инструмента — музейной, лекционной, зоологической *этикетки*.

Для профессионального зоолога связь между этикеткой и литературой очевидна — и в то же время непроста: слишком специфическая информация содержится в одном-двух кусочках плотной бумаги. Они проколоты той же тонкой энтомологической булавкой, что проходит через грудной отдел мертвого насекомого, нашедшего свое бессмертие в коллекционном ящике.

Проблема эта лежит на той границе науки и искусства, где, по словам американского набоковеда С.Блэквелла, мы задаем себе «вопрос, каким образом научная (т.е. объективная, описательная) и артистическая (субъективная, творческая) стороны набоковского гения исходят из общего центра» [7].

Моя гипотеза состоит в том, что *этикетка* — с ее требуемой точностью, вынужденной краткостью и необходимым триединством полевого собирателя, музейного обработчика и автора вида — была одним из специфических источников литера-

Махаон, парусник. Упоминается в произведениях Набокова 25 раз. Впервые эту бабочку он увидел в июне 1906 г., о чем подробно рассказывает в романе «Другие берега».

Здесь и далее фото А.В.Сочивко

турного вдохновения Набокова, единственного писателя-энтомолога.

Зоологическая этикетка (ее размер ~10x20 мм) по своей лаконичности сравнима с хайку. Сегодня этикетки печатаются на лазерном принтере мельчайшим шрифтом; но еще совсем недавно мы писали их пером и тушью, для чего требовались особые навыки миниатюрной каллиграфии. С детских лет Набоков, как и любой юный энтомолог, в том числе его будущая героиня Ада Вин, сотнями писал — должен был писать — этикетки для пойманных бабочек, миниатюрные прообразы знаменитых в будущем библиографических карточек, на которых он записывал свои романы.

Понятно, что этикетирование происходит из древнейшей, двойной задачи любого охотника: во-первых, как-то назвать (определить) свой улов и, во-вторых, отметить место и время данной добычи — с очевидной

целью вернуться в это место для новой охоты. Поэтому всегда имеются не одна, а две этикетки. В первой — полевая документация, специфические обстоятельства поимки. Вторая — это придуманное человеком название, ярлык, имя пойманного существа. Этикетки, таким образом, описывают природные объекты и в то же время принадлежат литературе.

Хорошая информативная этикетка, содержащая полевую документацию о собранном насекомом, должна включать не менее трех основных компонентов: место сбора, дату и имя собирателя (коллектора). Это — *три аристотелевских единства*: место действия, время действия, а также герой-протагонист. Сведения о месте и времени содержатся в полевых заметках протагониста, сделанных в записной книжке с твердым переплетом. Процесс собирательства (сбора, ловли, охоты) сопровождается и промежуточными

документами-рукописями. При ловле бабочек и прочих насекомых сведения помечаются карандашом на бумажном конвертике, куда укладывается экземпляр. Другие существа, собираемые в пузырьки или коробочки, снабжаются краткими полевыми этикетками или кодами. Вся эта информация будет закреплена в окончательной этикетке к тому времени, когда экземпляр будет наколот, расправлен, высушен и перенесен в музейную коллекцию.

Четвертый же необходимый атрибут — *имя, название* — появляется позже (иногда много позже), в ходе *определения*. Согласно традиции, для него отводится отдельная, вторая этикетка.

Место. Информация о месте сбора абсолютно необходима для энтомологических (и любых естественнонаучных) этикеток. Без точного местонахождения экземпляр не представляет ценности. Зоологи старого времени часто не заботились об этом, и экспертов до сих пор озадачивают и раздражают их выражения типа «обитает в Африке». Согласно нынешним стандартам, этикетка должна включать: страну, ближайший город, указание на конкретное место (например, «5 км к югу от развилки дорог...»), широту и долготу, а также высоту над уровнем моря — легко определяемые в наши дни с помощью GPS. Также рекомендуется дать хотя бы очень краткое описание окружающей среды (тип растительности, почвы).

Время. День, месяц и год, когда собран экземпляр, проставляются на этикетке рядом с местом сбора. Эта информация абсолютно необходима для натуралиста, который вернется туда для изучения живых представителей собранного вида. Серьезный коллектор посещает одни и те же местообитания несколько раз в течение года, наблюдая сезонные аспекты растительности и наборы насекомых. Писатель составляет летопись жизни

Переливница большая. В 1971 г. Набоков в своем интервью А.Леву рассказывал, что в окрестностях Монрёй эта бабочка была распространена, пока не заасфальтировали дорогу; ему она попала всего раз, но он ее упустил.

Павлиний глаз. Согласно замечанию Набокова, в окрестностях Петербурга встречалась редко. Именно эту бабочку Набоков ловит в кадре документального фильма весной 1972 г.

героя; натуралист возвращается в Аризону в следующем апреле, чтобы снова отыскать весенние виды — следуя древней идее циклического времени. В умеренных широтах мы называем это «полевой сезон» и готовим сачки для бабочек, когда начинает таять снег.

Коллектор. У любого действия должен быть протагонист; имя коллектора — стандартная часть сведений на этикетке. Физический процесс сбора, ловли бабочек Набоков считал одним из наиболее захватывающих видов деятельности и всегда охотно рассказывал об этом [1, 2].

На этикетке может стоять более чем одно имя: коллектор (тот, кто *собрал* насекомое) может отличаться от того, кто впоследствии *определил* его; оба они обычно отличаются от *автора*, описавшего этот вид в прошлом — или, реже, в случае нового вида, от его *будущего* автора. Иногда это триединство сливается в одном имени эксперта-первооткрывателя, который собрал, определил и описал новый вид. Музейные этикетки, как и литературные тексты, хранят имена и самых знаменитых, и полностью забытых коллекторов.

Коллектор — всегда путешественник (обратное, увы, неверно). Набоков планировал для себя именно это будущее. В 17 лет он собирался, используя состояние, унаследованное от дяди-миллионера, организовать экспедицию в Среднюю Азию, которая, скорее всего, состоялась бы, если бы не большевистский переворот. Циммер расследовал экзотическую историю, спрятанную за краткой этикеткой («Татценлу, Восточный Тибет — собран местными коллекторами отца Дежана») из набоковского рассказа о коллекционере бабочек «The Aurelian» (этот эпизод, добавленный Набоковым в английский вариант, отсутствует в русском оригинале рассказа, «Пильграм»). Подобные истории кроются за многими этикетками. Иногда Набоков позволяет через них заглянуть в жизнь коллектора — намеченную в рассказе о Пауле Пильграме и блестяще развернутую в описании путешествий Константина Годунова-Чердынцева в романе «Дар» — неосуществленных маршрутов самого Набокова в горах и пустынях Азии [8]. Циммер и другие исследователи показали, что описания Центральной Азии в «Даре» —

умело, в духе Жюль Верна, сплавленный коллаж из текстов Грумм-Гржимайло, Козлова, Пржевальского, Федченко и других русских путешественников.

Название вида. Отдельная, вторая, этикетка содержит имя — полное линнеевское название существа (род, вид), *автора* названия и дату описания. Специалист способен определить на глаз знакомый ему вид, но коллектор вовсе не всегда является экспертом, и название добычи в момент ее поимки зачастую *неизвестно*.

А значит, название далеко не всегда фигурирует на первой, «полевой», этикетке, содержащей данные о месте и времени сбора. Оно добавляется позже — часто на много лет позже, — когда экземпляр будет *определен*. Эксперт опознает признаки вида, используя профессиональную литературу с ее описаниями и иллюстрациями для сравнения их с признаками известных (описанных) видов, и находит для них уже существующее, кем-то ранее данное название.

Это имя — название *определенного* вида — помещается на дополнительную, отдельную, этикетку, и становится частью

Тополевый ленточник. «Громадная, плоская на лету бабочка, иссиня-черная с белой перевязью, описав сверхъестественно плавную дугу и опустившись на сырую землю, сложилась, тем самым исчезла» («Дар»).

Траурница, нимфа Атиопа. Упоминается в произведениях Набокова 12 раз. «Бархатно-черная, с теплым отливом сливы созревшей, вот распахнулась она...» («Бабочка *Vanessa antiopa*», 1921).

документации, сопровождающей данный экземпляр — в том числе и для публикации. Примером может служить первая публикация самого Набокова на английском языке (*A Few Notes on Crimean Lepidoptera // The Entomologist*. 1920). Это не более чем список этикеток, документация о бабочках, летавших летом 1918 г. в Крыму, куда в ноябре 1917 г. бежала семья Набоковых.

Если процедура определения не обнаруживает названия, есть вероятность того, что перед нами — *новый*, еще никем не описанный, вид. Тот или другой специалист — который в этом случае называется «автор» — согласно принятым стандартам опишет вид и даст ему название согласно «неумолимому закону таксономического приоритета» («Ада»). Описание нового вида было детской мечтой Набокова («Другие берега»). Называние видов занимает исключительное, особое, место в душе натуралиста. Именно об этом писал Набоков в «Даре», где отец главного героя, энтомолог Константин Годунов-Чердынцев, был «счастлив среди еще недозванного мира, в котором он при каждом шаге безымянное именовал». Типовой экземпляр но-

вого вида насекомых по традиции получал этикетку красного цвета — о ней упомянул Набоков в знаменитом стихотворении «*On Discovering a Butterfly*» («К открытию бабочки»).

Язык. Сам язык этикетки, базирующейся на полевой записи, часто представляет собой вполне набоковскую тесную мешанину языков, с собственной историей, которую хочется проследить, с неограниченными возможностями для игр и загадок. Названия экзотических мест меняются в зависимости от карты; европейский коллектор, записывая на слух, искажает местные топонимы. Написание географических названий редко подчиняется стандартам, что порождает массу ошибок, усиленных частыми сокращениями и неверным переводом, не говоря уже о приблизительной транслитерации. Даты бывают проблематичны: на этикетке нет места для полного названия месяца; июль и август путаются в римских цифрах; европейская система (день/месяц) мешается с американской (месяц/день); а в России к латинице добавляется кириллица. Часто перепутаны имена: имя коллектора, имя музейного специалиста, определившего сборы, и имя авто-

ра вида (а иногда еще и имя того, кто подарил или продал коллекцию музею); сокращения «leg.» (*legit*, собрал) или «coll.» часто опускаются, и для коллектора дается только фамилия, которую нередко можно принять за топоним. Имя же автора вида (он же соавтор Создателя) по традиции сокращается (Линней — L., Набоков — Nab.), о чем не слышали в художественной литературе (вообразите сокращения Sh., П. или Толст.).

И, наконец, не забудем о том, что название самого насекомого дается по-латыни. Номенклатура Карла Линнея («*Systema Naturae*», 1758) — имена таксонов (видов, родов, семейств и т.д.) — одна из последних крепостей, удерживаемых еще не до конца вымершим языком. Для зоолога, «искусного в таксономической латыни» («*On Discovering a Butterfly*»), особая радость состоит и в том, что названия видов легко узнаются его коллегами в любой стране. А значит, название на зоологической этикетке — универсальный формат естественной науки — не нуждается в переводе. Это — довавилонское состояние языка, конечная и недостижимая цель литературы.

Черный аполлон, мнемозина. В романе «Дар» упоминается старшим Годуновым-Чердынцевым: «... в первых числах июня попадался изредка маленький черный аполлон».

Аполлон. Набоков подробно описывает эту бабочку в романе «Прозрачные вещи», особо выделяя линейные красные пятна на крыльях бабочки.

Поцелуйные каламбуры энтомолога Киркалди

Как известно, в текстах Набокова обильно спрятаны загадки всевозможного рода. Мне удалось разгадать несколько зоологических загадок, связанных с таксономией и номенклатурой – областями, имеющими дело с правилами и практикой названия видов. Таксономией занимаются сотни зоологов, но мало кто из них читает Набокова. А «набоковеды» очень редко разбираются в тонкостях зоологической систематики...

В одном из самых важных мест англоязычного набоковского романа «Ада» (ч.1, гл.22), в описании первой любовной встречи юных героев, Вана и Ады, читатель обнаруживает совершенно невнятную группу квазизоологических терминов. В английском оригинале фраза выглядит так: «There was a well-known microlepidopterist who, having run out of Latin and Greek names, created such nomenclatorial items as Marykisme, Adakisme, Ohkisme».

Читатель, знающий «Аду» только в переводе, будет не менее запутан. В переводе С.Ильина говорится: «И был микролепидоптерист, который, исчерпав латинские и греческие имена, создал такие номенклатур-

ные элементы, как Мэрикизм, Адакизм и Охизм». В переводе О.Кириченко находим примерно то же: «...исчерпав латинские и греческие названия, напридумывал для классификации такие термины, как “мэрихизм”, “адакизм”, “оххизм”».

В оригинале, однако, никаких «измов» нет. Имеются три имени или названия (не «элемента» и не «термина»), легко узнаваемые по заглавной букве как родовые, т.е. названия зоологических родов (как род *Hoto* в *Hoto sapiens*), хотя и не выделенные курсивом, как полагается в линнеевской номенклатуре. Конечная гласная в них читается «и» при произнесении по-английски, и триада названий звучит «Мэрикисми, Адакисми и Окисми», с ударением на предпоследний слог.

Здесь, очевидно, содержится игра слов: мы слышим английское «kiss me» (поцелуй меня) — т.е. буквально «Мэри-поцелуй-меня, Ада-поцелуй-меня, О-поцелуй-меня». На это указывает, в частности, Бойд, в своих комментариях к «Аде» [6]. Он справедливо замечает также, что, по правилам зоологической номенклатуры, таксономические названия не обязательно должны быть основаны на латинских словах или корнях — по совре-

менным правилам любое сочетание букв может использоваться как название рода.

Однако, как мне удалось установить, этот «номенклатурный каламбур» выдуман вовсе не Набоковым. Анекдотическая история этих «поцелуйных» названий, уходящая в начало XX в., и поныне известна многим юмористически настроенным зоологам [9].

В 1904 г. выдающийся англо-американский энтомолог Дж.У.Киркалди (George Willis Kirkaldy, 1873—1910), специалист по систематике клопов — или, более благозвучно, *полужесткокрылых* (отряд Hemiptera, или Heteroptera) опубликовал ряд названий для описанных им новых зоологических родов [10]. Среди них были девять названий (*Ochisme*, *Dolichisme*, *Elachisme*, *Florichisme*, *Isachisme*, *Marichisme*, *Nanichisme*, *Peggichisme*, *Polychisme*), оканчивавшихся на «chisme», что в англоязычной латыни, конечно, произносится «кисс-ми».

Киркалди умер в Сан-Франциско в 1910 г., когда ему было лишь 36 лет. А в 1912 г., по-смертно, он был подвергнут критике Лондонским зоологическим обществом за фривольность! «Видимо, прошло восемь лет прежде чем кто-то в Зооло-

гическом обществе прочел эти названия вслух и понял, что в них содержатся мольбы о поцелуйных похождениях» [9]. Не зная на такую фривольность, все названия полужесткокрылых насекомых, выдуманные Киркалди, были и остаются официально «доступными», хотя некоторые из них были, как мы выражаемся в зоологической систематике, «синонимизированы» после 1904 г., и более не действительны (не «валидны»).

Мне неизвестно, на каком этапе своей энтомологической карьеры Набоков встретился с драгоценным каламбуром Киркалди. Шутку эту знали и, видимо, повторяли многие — и сейчас она попадает на веб-сайтах, содержащих курьезные сведения о зоологических названиях. Статья Киркалди (1904), где были опубликованы девять «поцелуйных» названий, вышла в знаменитом английском журнале «The Entomologist» — одном из любимейших научных журналов Набокова. Именно в нем была в 1920 г. напечатана и его первая статья о бабочках. Набоков постоянно читал «The Entomologist» в течение десятилетий. В 1930 г. в письме Вере Набоковой из Праги он вспоминает, как «вгрызается в старые номера» этого журнала, которые его мать сложила на столике возле кровати [1]. Набоков опубликовал еще две статьи по бабочкам в том же английском журнале в 1931 г., а потом в 1948 г.

Может быть, статья Киркалди повстречалась Набокову еще в его детские годы, в России? Уже к 1910 г. он «зачитывался энтомологическими журналами, особенно английскими, которые были тогда лучшими в мире» («Другие берега»). В своем интервью А.Леви 1962 г. Набоков говорил: «В раннем отрочестве все заметки о собранных мною бабочках были написаны по-английски, с различными терминами, заимствованными

из замечательного журнала “The Entomologist”».

В тексте «Ады» Набоков использует три названия (без курсива). Одно из них указывает на Аду — Adakisme; два других, Ohkisme и Marykisme, — это, с небольшой разницей в написании, те же названия, что у Киркалди (*Ochisme* и *Marichisme*). В романе «Ада» нет никаких Мэри — но не является ли это имя отсылкой к «Машеньке» (в английском переводе «Mary»), раннему роману Набокова о его первой любви?

Отметим на той же странице у Киркалди (1904) название *Dolichisme*; «Долли» же — это Лолита, отсылки к которой многократно встречаются в «Аде»; Ада ходит в юбке фасона «лолита», а позже играет «танцовщицу Долорес» в фильме «Последний роман Дон Жуана». Читателю необходимо решить загадку Киркалди, чтобы найти «Долли» в энтомологической статье 1904 г., которая указывает на «Лолиту» (1955), отраженную в Ардесе в 1884 г. (по календарю Антитерры). Совпадение ли это, или «Долли» Киркалди — один из источников имени Лолита?

Джордж Киркалди создал много других гротескных родовых названий, таких как *Apache*, *Geisha*, *Nirvana*, *Texas*, *Peregrinator* («странник») и даже *Kamehameha* (в честь гавайского короля). Невероятно, но в 1906 г. Киркалди также опубликовал название *Lucinda* — т.е. полное имя будущей Люсетты Вин, младшей сестры Ады.

Слишком много совпадений!

Может ли Киркалди быть также источником имени Люсетта? Возможно ли, чтобы Набоков помнил «Люсинду» Киркалди с детских лет? Мог ли он обнаружить это имя в сводке зоологических названий всех родов животных, в знаменитом томе «Nomenclator Zoologicus» (1939) — стандартном справочнике тех лет?

Автором «Номенклатора» был выдающийся британский

энтомолог Шеффилд Эйри Нив (1879—1961). Обратим внимание, что по-русски «Нив» и «Вин» — полный палиндром, а палиндромам и анаграммам в набоковском творчестве, и прежде всего в «Аде», отводится особое место. Кроме того, Набоков в своих романах нередко использовал фамилии энтомологов. Нив, как и Набоков, занимался бабочками; несколько видов названы в его честь, а несколько других описал он сам.

Более того, традиция справочников «Номенклатор» ведет начало от первого «Nomenclator Zoologicus» (1882), а его автором был знаменитый американский лепидоптерист Сэмюел Хаббард Скаддер (1837—1911). Скаддеровскую же книгу «Бабочки Восточных Соединенных Штатов и Канады» [11], опубликованную в 1889 г., Набоков читал в оригинале еще мальчиком и позднее называл «изумительной» («stupendous»; «Speak, Memory»).

Набоков работал в том же Музее сравнительной зоологии Гарвардского университета, что и Скаддер, и где хранятся все его коллекции. Помимо многих других видов насекомых в честь Скаддера была названа бабочка *Lycaeides scudderi* (сейчас *Plebejus idas scudderi*) (семейство Lycaenidae). Сам Набоков в 1943 г. описал и назвал в честь Скаддера знаменитую голубянку *Lycaeides* (сейчас *Plebejus melissa samuelis* Nabokov (типовой экземпляр этого вида был собран Скаддером). История этой голубянки рассказана в книгах Д.Циммера [2], К.Джонсона и С.Коатса [3].

Почему Набоков приписывает названия в стиле Киркалди «известному микролепидоптерологу» (в то время как Киркалди был известным *гемиптерологом*, или *гетероптерологом*)? Набоков явно запутывает здесь будущего набоковеда, который будет безрезультатно искать эти названия среди Microlepidoptera (подотряд Lepidoptera, включающий мелкие виды ночных ба-

бочек) и, не найдя их, пожмет плечами и запишет непонятные слова по ведомству набоковской безудержной фантазии. Ко времени написания «Ады» множество лепидоптерологических мотивов в творчестве Набокова были настолько общеизвестны и настолько эксплуатировались литературоведами, что размещение ложной ссылки на бабочек в обманчивом антимире «Ады» кажется вполне уместным.

Иначе необходимо предположить, что Набоков использовал имена Киркалди по памяти, или переняв энтомологические слухи без проверки таксономического источника, или действительно полагал, что эти названия относятся к бабочкам *Microlepidoptera*. Это, однако, вряд ли возможно. В алфавитном списке родовых названий в номенклатуре Нива (1939) легко находятся и *Ochisme*, и *Marichisme*, а проверка существующих названий по таким спискам — стандартная процедура в работе зоолога-систематика.

Впрочем, мы знаем, что по крайней мере однажды Набоков не воспользовался такой проверкой. В 1945 г. он опубликовал родовое название *Pseudothecla*, не зная, что его уже использовал Э.Странд в 1910 г. для другого

рода. Эту ошибку обнаружил в 1959 г. выдающийся английский зоолог Ф.Хемминг, который обратился к тогда уже знаменитому писателю с предложением найти другое название для этого рода бабочек. Набоков в письме от 14 июля 1959 г. попросил сделать это самого Хемминга — так в 1960 г. появился род голубянок под названием *Nabokovia* Hemming [12]. Виды этого рода обитают в Эквадоре и Чили.

У меня нет никакого сомнения в том, что три набоковских названия в «Аде» имеют своим источником шутку Джорджа Киркалди. Пока неясно, однако, знал ли Набоков статью 1904 г. и проверял ли он названия Киркалди (включая спрятанное от читателей «Ады» название *Dolichisme* в статье 1904 г., а может быть, и *Lucinda* в статье 1906 г.) по справочнику Нива или другим источникам. Думаю, что последнее вполне возможно, поскольку «Ада» была написана после упомянутого номенклатурного эпизода с Хеммингом в 1959 г.

Недавно независимо от Набокова традицию Киркалди возобновил известный американский энтомолог Н.Эвенхус [13] из Музея Бишопа на Гавайях. Он назвал новый род и вид ископа-

емой мухи, найденной в янтаре, *Carmenelectra shechisme*. В описании мухи говорится: «Название родовой группы дано в честь теле-, кино- и журнальной знаменитости Кармен Электры. Обе тезки [т.е. и актриса, и муха — В.Ф.] демонстрируют великолепную структуру тела, характерную для их таксонов. Эпитет видовой группы представляет собой произвольную комбинацию букв».

Последнее утверждение не соответствует действительности: видовой эпитет Эвенхуса (*shechisme*) — конечно, «киркалдианский» каламбур. Вдобавок зоологи, работающие с янтарными инклюзиями, оценят дополнительную игру слов: имя «Кармен Электра» (псевдоним американской поп-звезды Тары Ли Патрик) созвучно греческому названию янтара (*elektron*), и мы часто включаем слово «electro» в зоологические названия животных, описанных из янтара. В письме ко мне Эвенхус подтвердил, что и Киркалди, и его «поцелуйные» каламбуры 1904 г. хорошо известны в энтомологических кругах, а также признался, что не читал романа «Ада»... Набоковскому каламбуру пришлось ждать своего открытия почти 40 лет.

Литература

1. Nabokov's Butterflies: Unpublished and Uncollected Writings / Eds. B.Boyd, R.M.Pyle. Beacon Press. 2000.
2. Zimmer D.E. // A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths, Hamburg, 2001.
3. Johnson K., Coates S.L. // Nabokov's Blues: The Scientific Odyssey of a Literary Genius, 2001.
4. Blackwell, S.H. // The Quill and the Scalpel. Ohio University Press, 2009.
5. Zimmer, D.E. // Nabokov reist in Traum in das Innere Asiens. Rowohlt, 2006.
6. Boyd B. // Ada Online, www.ada.auckland.ac.nz.
7. Blackwell S.H. // The poetics of science in, and around, Nabokov's The Gift. The Russian Review. 2003. V.62. P.243—261.
8. Zimmer D.E. // <http://www.d-e-zimmer.de/LolitaUSA/LoUSpre.htm>.
9. Berenbaum M.R. // Buzzwords: A Scientist Muses on Sex, Bugs, and Rock 'n' Roll, National Academies Press, 2000.
10. Kirkaldy G.W. // Bibliographical and nomenclatorial notes on the Hemiptera. №.3. The Entomologist. 1904. V.37. P.279—283.
11. Scudder S. // Butterflies of the Eastern United States and Canada, with Special Reference to New England. Cambridge, 1889.
12. Hemming. A.F. // Annotationes lepidopterologicae, Part 2, London, 1960.
13. Evenhuis, N. // Review of the Tertiary microbombyliids (Diptera: Mythicomyiidae) in Baltic, Bitterfeld, and Dominican amber. Zootaxa. 2002. V.100. P.1—15.